

Предисловие

Пришло время
говорить

Майкл Борнстейн

Я очень долго не рассказывал о том, через что пришлось пройти во время войны. Люди думали, что мне тяжело возвращаться к тем страшным событиям. Это правда, я не люблю вспоминать ужасы прошлого. Когда кто-то замечает мою татуировку, Б-1148, я вскользь упоминаю Аушвиц, и на этом разговор заканчивается. Но есть и другая причина. Мне было, что рассказать, но я понимал, что мои слова неизбежно станут частью письменных свидетельств о Второй мировой войне, и боялся допустить неточности. Воспоминания о том времени появляются и исчезают, словно каскад образов, ясных и размытых. Порой перед внутренним взором встает трагический эпизод, и в тот же миг растворяется, будто ничего и не было.

Мне говорили: «Хорошо, что ты ничего не помнишь». Но что бы вы чувствовали, если бы не могли вспомнить, как выглядел ваш брат? Большую часть жизни я тщетно пытался найти ответ на свой главный вопрос: «Как мне удалось полгода прожить в лагере,

известном тем, что детей убивали сразу после прибытия? Почему я не прошел “маршем смерти”, в котором за несколько дней до прихода Советской армии лагерь покинули 60 тыс. заключенных?» Теперь я знаю ответ.

Не так давно я ездил в Израиль, чтобы посетить национальный Мемориал Катастрофы и Героизма — Яд ва-Шем, где хранится документ с моим именем. Его составили и сберегли советские солдаты. Прочитав его, я понял: история моего спасения доказывает, что чудеса случаются, когда их совсем не ждешь.

Долгие годы я даже не подозревал о том, что где-то существует моя фотография времен Аушвица, и испытал настоящее потрясение, узнав мальчика на кадрах советской кинохроники. Подробнее об этом случайном открытии я расскажу в конце книги. Но на этом потрясения не закончились. Как-то раз я решил поискать в интернете фотографии, на которых был бы запечатлен момент моего освобождения из лагеря. Ввел свое имя в строку поиска, на экране появились снимки. Я перешел по ссылке рядом с одной из фотографий и попал на сайт, где утверждалось, будто Холокост — сплошной обман, и на самом деле ничего не было! Мою фотографию разместили на сайте для тех, кто хочет исказить историю. Подпись гласила, что евреи лгут, утверждая, что детей убивали сразу по прибытии в Аушвиц, что условия там были хуже, чем в обычном трудовом лагере.

Невероятно, но в комментариях многие посетители сайта соглашались с тем, что Аушвиц не мог быть таким уж страшным местом. Они отмечали, что я и еще несколько детей на фотографиях выглядим «здоровенькими». (На самом деле, кадры были сделаны через несколько дней после вызволения из плена. Чтобы мы не замерзли, нас укутали во все, во что только можно было, поэтому на некоторых из нас была надета взрослая лагерная роба.)

С отвращением я захлопнул крышку ноутбука. Я был в ужасе. Руки тряслись от злости. Но теперь я даже благодарен тому, что увидел все это. В тот момент я понял, что если выжившие продолжают молчать, если мы не соберемся с силами и не расскажем свои истории, то голоса лжецов и расистов зазвучат все громче. Меня вынудили заговорить, вот только я ученый, а не писатель. Поэтому я обратился к одной из своих дочерей, Дебби Борнстейн Холинстат, она продюсер на телевидении, и часто повторяла, что мою историю нужно записать. Я решил вложить ей в руку перо и сделать все, что будет в моих силах, чтобы помочь ей рассказать обо всем, что пережил сам.

И теперь с помощью Дебби я выпускаю на свет истории, которые мы с близкими долгие годы удерживали под замком. Время пришло.

Дебби

Борнстейн Холинстат

В детстве я не задумывалась о татуировке у папы на предплечье. Сколько себя помню, она всегда была там. Рисунок на коже, только и всего. Летом, когда без рубашек с короткими рукавами не обойтись, прохожие иногда обращали на нее внимание и спрашивали:

— Откуда это?

— Из Аушвица. Я не местный, — с улыбкой отвечал папа.

И тут же возвращался к своим занятиям. Удачи тому, кто пытался выведать больше!

В пятом классе мы с сестрами и братом тоже начали задавать вопросы, но результаты были более чем скромные. Если же мы загоняли его в угол, то он мог поделиться с нами каким-нибудь жутким, душераздирающим воспоминанием. Мы спрашивали еще и еще.

— Не знаю, Дебби. Я был совсем ребенком. Порой мне сложно отделить то, что я действительно помню, от того, что, как мне кажется, я помню, — говорил он.

Таков был его обычный ответ. В гостях у дяди он мог рассказать доселе неизвестную нам историю. А порой мы узнавали что-то новое, подслушав его разговоры с мамой. На свадьбе кто-нибудь из пожилых родственников произносил тост, и к головоломке добавлялась новая деталь. Постепенно, год за годом, мы слышали истории, которые вращались в саму ткань нашего существования. И хоть никто специально их не вспоминал, мы выросли с ними, как папа со своей татуировкой.

Спустя много лет, став редактором теленовостей, я задумалась о том, чтобы собрать все папины истории в одну книгу. Но тогда время еще не пришло.

— Не знаю, Дебала, может, когда-нибудь... — отвечал он.

А потом, спустя 70 лет после освобождения из Аушвица, он вдруг сказал:

— Знаешь, я думаю, мы должны их записать.

И, разумеется, это значило, что отныне на мои плечи лег груз точности и деталей. Боже, во что я ввязалась? Но стоило мне заглянуть на тот сайт, где с помощью папиной фотографии пытаются переписать историю, как у меня появились силы. И пусть на каждый лживый форум о Холокосте придется сто других, на которых говорят правду.

Я стремилась дополнить папины рассказы теми деталями, которые он уже не помнит, и прибегла к журналистским методам работы. В Жарки, его родном польском городке, их с семьей сперва закрыли в гетто, а потом отправили в Аушвиц. Я разговаривала с теми, кто знал его родственников до и после войны. Музеи и генеалогические центры от Вашингтона до Варшавы любезно помогли мне отыскать документы,

пролившие свет на множество тайн. Я слушала старую запись бабушки Софи, и постепенно разрозненные осколки информации, подобранные мной в период взросления, сложились в единую картину.

Папа упомянул потрясающую находку из Яд ва-Шем, пролившую свет на тайну его спасения. Даже куратор музея признался, что документ их шокировал. Но на этом открытия не закончились. В одном из собранных очерков, напечатанных на иврите, рассказывалось об Израиле Борнштейне, моем дедушке. Отец всегда жалел о том, что почти его не помнит, но, когда мы прочли о невероятных подвигах и героизме дедушки, он начал жалеть об этом еще больше. Очерки написали его выжившие земляки. Вскоре и вы узнаете, почему в Жарки все знали, кто такой Израиль Борнштейн. Нам с отцом очень помог дневник, любезно предоставленный одним из горожан, который во время войны вместе с родственниками скрывался в бункере под домом местного фермера. Дневник был передан нам в частном порядке и содержит очень важные сведения о том, что происходило в городе и как с евреями обращались до и после немецкого вторжения.

И теперь, спустя 70 лет после того, как отец вышел из Аушвица навстречу советским кинокамерам, история моей семьи наконец-то будет рассказана с умиротворяющей уверенностью во всех перипетиях того, как именно ему удалось выжить. Погружаясь в то, что произошло с семьей во время Холокоста, мы с отцом стремились написать честную книгу. В ее основу легли события, произошедшие на самом деле, но не обошлось и без фантазии: мы дописали диалоги, додумали мысли и чувства, изменили некоторые имена и привели незначительные детали в повествовательную форму.

К примеру, мы точно знаем, что немецкие солдаты ворвались в дом к моей семье через несколько недель

после того, как в сентябре 1939 года нацисты вторглись в Польшу. Но о том, какого цвета платье было на бабушке в тот день и что именно она им сказала, мы можем только догадываться. Мы знаем, что солдаты, словно шайка пиратов, требовали отдать им все ценности. Правда и то, что за несколько минут до их появления Израилю Борнштейну удалось спрятать часть семейного имущества. В том числе и одну небольшую, но важную реликвию. Ценности она не представляла, но значила многое.

Глава 1

Не забудь про бокал

— Софи, возьми Самюэля и встань у окна! — крикнул отец маме. — Не двигайтесь!

Он схватил холщовый мешок и бросился из кухни в спальню, запихивая в него серебряные рамки, хрусталь, мамины жемчуга и золотые монеты. На дворе стоял октябрь 1939 года, и к принадлежавшему моей семье серому дому из известняка на улице Сосновой в польском городе Жарки приближались немецкие солдаты.

В меркнувшем свете дня мамашу стояла у окна гостинной и беспокойно барабанила пальцем по маленькой, веснушчатой ручке моего старшего брата Самюэля. Другая рука покоилась на огромном животе, где я в блаженном неведении готовился к появлению на свет.

— Израиль, мы должны были заранее подготовиться! Теперь уже поздно. Просто засунь все под кровать, и будем надеяться, что туда они не заглянут. Ты ведешь себя как сумасшедший!

— Я знаю, что делаю, Софи. Просто стой там и предупреди, когда они будут у дверей.

Годы спустя, когда я слушал эту историю, меня из раза в раз убеждали, что папин голос звучал очень спокойно, что едва ли вязалось с теми хаотичными действиями, которые мамашу видела в отражении оконного стекла.

Мама наблюдала за отрядом опрятных и в то же время вселявших ужас немецких солдат, в высоких черных сапогах и униформе с крупными пуговицами, и красными нарукавными повязками с белым кругом, в центре которого гнезвился черный, похожий на паука, символ. У каждого в руках был либо пистолет, либо винтовка. Они вошли в дом наших соседей и через несколько минут вывалились оттуда вместе с грудой мехов, кожаных пальто и набитыми драгоценностями наволочками.

Всякий раз, услышав выстрелы, что доносились из соседского дома, четырехлетний Самюэль прятал лицо в складках маминой персиковой юбки. Солдаты были всего в трех домах от нас, и, пока отец носился по дому, мамашу встревоженно переводила взгляд с входной двери на заднюю. Бобеши, так в семье ласково называли бабушку Дору, папину маму, наблюдала за происходящим, сидя на диване.

Утром того же дня немецкие солдаты объявили, что после обеда начнут обход домов: евреи должны подготовиться отдать любые ценности, которые нацистское правительство (национал-социалистическая партия Германии) потребует у них. Обычно такое называют грабежом. Но немцы настаивали, что помочь Третьему рейху (а именно так они именовали свое государство) стать сильнее и богаче — это святая обязанность каждого еврея. А у нас было чем поживиться. Папа был бухгалтером, и умел обращаться с деньгами. В тот день, когда нацисты пришли за «помощью», папа стал одержим спасением того, что у нас было.

— Если ты и правда хочешь все спрятать, то не забудь про бокал! — тихо сказала мамашу, не отрывая взгляд от того, что происходило за окном.

— Уже, — ответил папа, проскользнув через заднюю дверь в тот самый момент, когда голоса приближавшихся солдат зазвучали громче.

С заднего двора было слышно, как отец отсчитывает шаги на идише:

— Еун, tsvey, dray, fir, finef, zeks¹...

Он остановился на мягком участке и принялся копать, пока руки не почернели от земли. Случайный прохожий мог бы принять его за человека, который сажает цветочные луковицы и с нетерпением ждет, когда же они взойдут и распустятся. Думаю, в каком-то смысле отец и действительно сажал семена. Семена надежды нашей семьи. Через несколько мгновений он разрыл заранее подготовленный тайник — яму, укрепленную по стенкам согнутым в цилиндр листом металлолома. Импровизированный сейф, куда он опустил мешок со всеми нашими ценностями, среди которых был и маленький, на первый взгляд ничем не примечательный серебряный бокал для кидуша, который наполняется вином только в Шаббат. Его в еврейских домах отмечают молитвами, песнями и вином каждую неделю с заката пятницы до заката субботы. Шаббат — это время отдыха, самый спокойный день недели. А в знак благодарности поднимают чашу кидуша.

Но с тех пор, как в Жарки вошли нацисты, поводов для песен было немного, особенно у евреев. За какие-то недели жизнь перевернулась. Евреям запрещалось ездить на автобусах, а их детям — ходить в школу. Нацисты закрыли или же попросту отобрали часть принадлежавших евреям предприятий. Был объявлен строгий комендантский час: всех, кого ловили на

¹ С ид. — Один, два, три, четыре, пять, шесть... (здесь и далее прим. переводчика)

улицах после восьми вечера, ждал арест или расстрел. Евреям приходилось носить на рукаве белую повязку с синей шестиугольной звездой Давида, чтобы все видели и знали, кто перед ними.

Когда нацисты забарабанили в дверь, у мамашу вырвался странный визг, словно сдавленный ужасом крик. Ей бы хотелось спокойно сказать «войдите», но было уже не до любезностей. Дверь распахнулась настежь еще до того, как она вновь обрела голос. «Пожалуйста, появись, пожалуйста, появись, пожалуйста, вернись», — мысленно умоляла она отца, когда в дом вошли двое солдат: высокий и коренастый. Словно услышав ее призыв, в дверях гостиной появился отец: рубашка заправлена в брюки, а на лице ни намек на панику, которая чуть не овладела им за несколько минут до появления немцев. Руки, еще недавно перепачканные землей, теперь были чисты и не вызывали никакого подозрения, совсем как его выражение лица. Отцу удалось довершить начатое.

— Мы пришли забрать пятьсот злотых и украшений! Немедленно! — потребовал высокий.

— Разумеется, — ответил папа и протянул им пачку денег, недорогое ожерелье с подвеской и кольцо на мизинец, которое однажды нашел в поезде. Предвидя, что солдаты потребуют отдать украшения, он оставил эти безделушки в ящике приставного стола.

— Вы что думаете, мы поверим, будто это все, что у вас есть? — ответил солдат и кивнул сослуживцу.

Коренастый быстро подошел к Самюэлю и маме, наставил на них пистолет и принялся размахивать им со словами:

— Да у вас тут полно ценностей. Попробуйте еще раз.

Мрачное выражение мелькнуло у него на лице, когда он опустился на колени перед Самюэлем, обратив внимание на левую руку братика. Правой рукой

он крепко вцепился в мамину юбку, а левая, опущенная вниз, была сжата в кулак.

— А почему бы тебе не разжать ручку, малец? — спросил он тихо. — Посмотрим, что ты тут прячешь.

Мамишу испугалась того, что солдат обратил внимание на Самюэля, и заплакала. Хотя знала, что юный коллекционер не прячет ничего ценного. По правде говоря, она даже знала, что он зажал в своем пухлом кулачке.

— Это просто камешек. Он их собирает, — сказала мамашу.

Самюэль показал ему маленький серый камушек: такие в Польше можно найти на любой улице. У него в кармане почти всегда лежал какой-нибудь камень, и все они казались ему ценными и уникальными. Но солдату было не до смеха. Он не привык ошибаться, и уж точно не в присутствии евреев. Он пристально посмотрел на родителей. Затем на бабушку Дору. Если бы у кого-то из них на лице промелькнула даже тень улыбки, он застрелил бы их всех на месте. Никто не улыбнулся.

— Прошу вас, возьмите все, что может понадобиться вашему правительству, — вмешался папа.

К тому моменту первый солдат уже всюду рылся в шкафах и ящиках, не дожидаясь приглашения. Сегодня это кажется такой мелочью, но в тот день, увидев, как солдат достал из шкафа в прихожей ее драгоценный норковый жилет и повесил себе на руку, мамашу чувствовала, как у нее сердце кровью обливается. Папа целый год откладывал деньги, чтобы сделать ей сюрприз. В нем она чувствовала себя голливудской кинозвездой, даже если всего лишь гуляла по округе.

Казалось, прошла вечность, но, когда солдаты, собрав свою добычу, уже собирались уходить, коренастый заметил на краю стола-тумбы в прихожей изысканные часы на витых медных ножках. Подарок, который бабушке Доре преподнесли на обручение ее

родители, а она, в свою очередь, подарила их на свадьбу мамашу.

— А разве такое не нужно держать под стеклом? — спросил он, указывая на часы. — Вам следует быть аккуратнее с ценными вещами.

И сказав это, он пододвинул их к самому краю, не отрывая взгляд от маминого выражения лица. Оно не дрогнуло.

— Да, благодарю. Впредь я буду осторожна.

А коротышка в униформе медленно подталкивал часы к краю стола и ждал, ждал ее реакции. В ту секунду, когда стало ясно, что хрупкая вещь вот-вот упадет, мамашу испуганно ахнула. Но и этого было достаточно, чтобы бесстрастное лицо солдата расплылось в мерзкой улыбке.

— Ой! — только и воскликнул он, столкнув часы на пол. — Виноват.

Тяжелая семейная реликвия с грохотом упала на пол. Стекло циферблата разлетелось по углам прихожей мелкими осколками. Одна из витых ножек отвалилась. Часы разбились вдребезги.

— Какой же ты неуклюжий, — рассмеялся высокий, похлопав друга по плечу, и оба с притворной вежливостью закивали, глядя на мамашу.

И с этим ушли.

Когда мамашу закрыла за ними дверь, Самюэль наклонился и, уткнувшись головой в колени, завыл что есть силы. Он все плакал и плакал, и не мог остановиться.

— Самюэль, не надо, перестань, — мамашу гладила его по спине. — Все хорошо. Мне не страшно. Папе не страшно. Дяди просто хотели передать наши вещи новому правительству. Мы рады им помочь.

Мамашу изо всех сил старалась не терять надежду, но в такие вечера это было непросто. И в глубине души все евреи Жарки знали, чего им ждать. Месяцем ранее все было явлено в мельчайших деталях. Тот день вошел в историю как «Кровавый понедельник».

Глава 2

Кровавый понедельник

Война в Польше началась 1 сентября 1939 года с блицкрига (молниеносной войны), в котором немецкие войска пронеслись по стране. На следующий день, это была суббота, примерно в час дня над Жарки пролетел немецкий разведывательный самолет. Части отступавшей польской армии, укрывшиеся в нашем городке, заметили его и приняли решение, которое понесет за собой катастрофические последствия. Стоило самолету снизиться, они принялись палить по нему из винтовок. Этого было достаточно, чтобы привлечь внимание немецкого командования. К вечеру Жарки оказался в осаде. В небе кружили немецкие самолеты, сбрасывающие бомбы, которые не оставляли от домов камня на камне. В мгновения затишья между взрывами каждая семья гадала, станет ли их дом следующим.

В городе, где жила моя семья, в тот день сгорело 256 домов, принадлежавших евреям, многие из которых оказались в ловушке, потому что прятались в подвалах. Первые бомбы упали на часть города под названием Леснюв. Потом настала очередь нашего района. Второе сентября вошло в историю как день ужаса.

Наверное, может показаться странным, что папа, мамашу и вся община не побросали в чемоданы теплые вещи и не ушли в леса, в надежде добраться до безопасного места. Но дом есть дом, и до немецкого вторжения Жарки был безопасной гаванью для польских евреев. В некоторых городах страны евреи не могли владеть землей, а те, кто все же решался открыть свое дело, сталкивались с огромным количеством препятствий. А в Жарки, где больше половины жителей были евреями, все было не так плохо. Больше трехсот моих соплеменников ежедневно молились в местной синагоге, праздновали Шаббат и трудились в качестве ремесленников, торговцев и предпринимателей, к мнению которых прислушивались даже соседи-католики. Разумеется, и в Жарки бывали отвратительные случаи дискриминации. На одном из рынков в окне висела табличка: «Не покупайте у евреев! Поддерживайте своих». Но еврейские предприятия в городе всегда процветали.

Жизнь в Жарки простой назвать было нельзя, но, если бы хоть кто-то предвидел, что ждет их впереди, после 2 сентября 1939 года в городе не осталось бы ни одного еврея. Узнав о приближении нацистов, они бы уехали. Но, как бы то ни было, большинство евреев Жарки надеялись, что, когда бомбежки прекратятся, а немецкие войска одержат верх над маленькой польской армией, захватчики удовлетворятся тем, что завоевали новые территории для гитлеровской империи, и будут мирно править в Польше.

На рассвете воскресенья 3 сентября, когда стихли разрывы снарядов, мамашу, папа, Самюэль и бабушка Дора вылезли из подвала. Они не могли поверить, что дом уцелел. Оглядев гостиную, мама ощутила смесь вины и облегчения. Кое-где стекла были выбиты ударной волной от разорвавшихся неподалеку снарядов, но стены устояли.